

М.РИЧАРДОВИЧ

ЕГО ЗОВУТ ИОАХИМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мир Тишины

Максим Ричардович

Его зовут Йоахим

«Автор»

2026

Ричардович М.

Его зовут Йоахим / М. Ричардович — «Автор», 2026 — (Мир Тишины)

Дорогой читатель, перед тобой продолжение истории Йоахима Мясникова. Это вторая книга серии после книги "Меня зовут Йоахим", которую вы можете найти здесь же, и является ее прямым сюжетным продолжением. Он создан, чтобы любить Родину и уничтожить всё, что ей не принадлежит. Советский космонавт просыпается через 800 лет после старта. Земля молчит. Экипаж мёртв. Но кто-то вшил в его память нестерпимую тоску по дому. И теперь, возвращаясь к родной планете, он запускает неминуемый обратный отсчет. Сам того не зная. Роман о любви, которая стала оружием. И о человеке, который пожертвовал собой, чтобы спасти мир.

© Ричардович М., 2026

© Автор, 2026

Максим Ричардович Его зовут Йоахим

ГЛАВА 2

1

— Ты знаешь, как тебя зовут?

— Меня зовут...

— Отвечай «да» или «нет», — перебил мужчина в белом. — Ты знаешь своё имя? — повторил он.

— Да.

— Знаешь сколько тебе?

— Мне..., — начал мальчик, но вдруг остановился.

— Знаешь? — повторил мужчина подняв брови.

Мальчик растерянно заморгал. Он будто знал, но забыл, забыл именно сейчас. Он был без одежды и ему хотелось прикрыться, но тот кто с ним разговаривал, этого не разрешил, велел сидеть с выпрямленной спиной, держа ладони на коленях. На вид мальчик был еще подросток, переходящий в совсем раннюю юность. У него были темно—маслянистые глаза и на его бритой голове они казались неестественно большими.

— Не помнишь.

— Нет, — ответил он, сильно поддавшись вперед, пытаясь закрыть наготу.

— Знаешь, где ты?

— Да.

— Кто мы?

Мальчик оглянулся по сторонам и опять отрицательно помахал. Вокруг него, также склонившись в любопытстве стояли взрослые, которых он не знал. Все были в белых халатах, накинутых поверх зеленой военной формы.

— Ты дрожишь. Страшно или холодно?

Мальчик неуверенно кивнул и опустил глаза. Взрослые переглянулись.

Комната в которой они находились была смотровой палатой. Здесь ничего не было кроме кушетки, на которой он сидел и письменного стола, которого сейчас не было видно за стоящими, синие стены и очень высокий потолок. Мальчик часто тут бывал, но обычно с ним говорил один или два человека. Сегодня их было не счесть.

— Ты помнишь, как сюда попал, откуда ты? — продолжил мужчина.

Мальчик отрицательно махнул.

— У тебя есть родители?

— Да, — ответил мальчик и его лицо скривилось.

— Да? — удивленно повторил взрослый и посмотрел на других. Они начали перешептываться.

Мальчик заплакал. Он плакал молча, не издавая и звука, вздрагивая всем телом, но не смея оторвать рук. Эти эмоции никак не повлияли на взрослых, и они с любопытством разглядывали его.

— Как маму зовут? Помнишь? — с опаской спросил мужчина.

Мальчик перестал плакать и замер. Он хотел ответить, но видно было, что не мог вспомнить.

— Хорошо, — удовлетворенно ответил голос. — А папу?

И он отрицательно замахал головой, что вызвало облегченный восторг у взрослых. Они продолжали говорить и их шепот становился все громче.

— ...нет, ...уже слишком... не согласую..., – было слышна кем—то брошенная фраза из этой группы.

— ...но тогда ещё год!.. – кто—то яростно возражал в ответ на «слишком».

— ...совсем с ума... ну узнают в бюро... советского ребенка...

— Нет, нет и нет! ...не возьмём на себя!

И постепенно, вся эта группа, увлекаясь взаимной дискуссией, начала выходить из палаты, оставляя её в тишине. Как только они вышли, мальчик расслабил спину и ссутулил плечи, все так же не отрывая рук от колен.

— Мы возьмем, — сказал кто—то тяжелым басом.

Мальчик поднял голову. Это был широкоплечий, не меньше двух метров ростом мужчина в наглаженной военной форме, с красными лампасами на брюках, с колен, заправленных в хромовые сапоги. У него были очень широкие плечи, на которых нескладно лежали погоны с позолоченными звездами. На вид ему было не больше пятидесяти, но голова была покрыта стариковской пепельно—белой сединой.

— А вы...? – протянул задумчиво другой звонкий голос.

Это был живой энергичный человек, на вид не больше сорока, среднего роста, в хорошо пошитом по фигуре костюме. В его немного полноватом лице были энергия и ум. И его увлеченность работой, очевидно выдавали слегка растрепанные на голове витые темные волосы и воткнутый в нагрудный карман пиджака карандаш. Мальчик знал его и ему стало радостно от того, что этот мужчина тоже здесь. Все время комиссионного осмотра мужчина молча стоял за письменным столом.

— Пятая отдельная управления резерва..., — пошел к нему на встречу военный, от тяжести шага которого закрипели сапоги.

— Управление резерва...? – сморщился гражданский.

— РВСН, — пробасил тот.

— О! — удивился гражданский. — Но он... это... как сказать... черт. – И почесав голову добавил. — Не по вашему направлению. Ракеты, но это другие ракеты...

Военный подошел ближе и протянул руку:

— Чугунов... Генерал—майор Альберт Чугунов.

Гражданский посмотрел на руку и с паузой, протянув свою, кратко ответил:

— Рязанов, — и несмотря на исполинский размер ладони генерала, не почувствовал в них ожидаемую силу.

Генерал устало уселся на край стола и достал серебряный портсигар.

«Gott mit uns» — прочитал на нем надпись Рязанов.

— Трофейный, — сказал генерал, заметив удивленный взгляд, и начал хлопать себя по карманам, отыскивая спички.

— Ну так, — начал он, — через сколько пуск?

— Старт? Через два.

— Если всё как в техзадании, я смогу найти применение. Но придется отложить.

— Применение? – скрестил руки Рязанов. — Это же не... Как сказать... К этому старту готовились несколько лет. Нельзя откладывать. Они, – указал он в сторону вышедшей комиссии, — не понимают... Ребёнок..., — указал он на застывшего в той же согбенной позе мальчика, — ещё на орбите будет много чего отрабатываться... Вот так пришли – советского мальчика... Что за... У нас решение ЦК...

Почувствовав возможную протекцию в лице генерала, но не понимая кто он, Рязанов, запутывая сам себя, хотел высказать сразу все аргументы, но его переполняли эмоции, и он прыгал с мысли на мысль, при этом ёрзая и пытаясь занять удобную позу, чтоб показать уверенность в том, что говорит. Чугунов отстраненно смотрел и будто не слышал. Его лицо, с резкими высеченными как в граните чертами, было строгим и спокойным, затуманенный взгляд

выдавал усталость и перенапряжение. И вдруг, предложив папиросу, он закурил сам, резко прервав Рязанова.

— Есть сведения, — генерал глубоко затаился и выпустил густую струю, — американцы через год запускают новый корабль. Как самолет. Многоразовый. Грузоподъемность до сорока тон. На борту отсек с манипулятором. Будут спутники как рыбу ловить. А смогут и боеголовку оттуда сбросить. Обойдет любое ПВО. Старики волнуются.

Он сильно затаился и было слышно, как хрустит тлеющий табак. Говорил он по—военному ёмко, короткими предложениями.

— Ещё через год, у них будет флот таких кораблей. Они расчистят орбиту и полностью займут её. Потом будет Луна. Там будут их базы. И если не будет чем ответить, мы и на орбиту летать не сможем и на Луну нас не пустят. Никогда. Промедление опасно. Промедление покажет, что мы не готовы, что МЫ слабы. Надо отвечать. Быстро.

Генерал закончил. Но и Рязанов молчал, заворожившись видом тлеющего табака, оставившего после себя белый пепел. И только когда генерал отнял руку с папиросой, понял, что ему надо что—то сказать.

— А что же вы хотите..., — он остановился, подчеркивая, что мальчик и корабли—убийцы спутников в разных категориях, — от него?

— Наши готовят ответ, но он будет только...

— Буран, — довольный своим знанием шепнул Рязанов и присел на стол сбоку от генерала.

Информация была сверхсекретной. Удивленный Чугунов, сделал вид, что не услышал и продолжил:

— Пока готовят ответ, надо что—то предпринимать. Ваш корабль, в том виде как есть, уже почти готов и он, с этим вашим... — махнул он на мальчика, — думаю сгодится.

— Нет, нет, то, что под него выводится это межпланетный буксир, он как бы вообще не для военных. Гражданские цели космоса...

— Не для военных? — усмехнулся Чугунов.

— Да, я понимаю, но конкретно это...

— Что?

— Простите, но... Информация для служебного, я не знаю про ваш...

Генерал устало выдохнул и начал поправлять Рязанова:

— Ни буксир, а сверхтяжелый межпланетный корабль с ядерной энергодвигательной установкой мегаваттного класса. Изделие под кодом «Сверхобъект». Экипаж от одного до трёх. Объем рабочего пространства сто. Достойный ответ, если снабдить его оружием.

Рязанов глупо улыбнулся, так как только что старался произвести впечатление на собеседника, которому было и так все известно.

— Да всё я знаю... — снова устало вздохнул генерал.

Желая подыграть и вытянуть еще информацию, Рязанов изогнулся и вытащил из—под стола железное ведро с неаккуратно написанным на нём «каб. 86». Генерал бросил туда окурочек и тут же закурил новую.

— А что вы будете ждать от него? — начал Рязанов. — Как часовой? Охраняет спутники, не спит? Постоянно на дежурстве?

— Вечно, — улыбнулся Чугунов, оголив стройный ряд огромных жёлтых зубов. — Дивизия дислоцируется в Московском округе. Мне нужно чтоб и вы там были, поближе к месту службы.

— Москва? — усмехнулся Рязанов. — Подождите, вы не совсем понимаете — это не солдат, — затараторил он, — это не про него. Это ведь совершенно...

— Я ведь не спрашиваю мнения, товарищ ученный, — перебил генерал и повернув свое огромное лицо в сторону Рязанова пустил в него струю дыма.

Весь живой и энергичный Рязанов, ощущая превосходство своего собеседника сник и отвлёл глаза, пытаясь объяснить сказанное.

— Там, — безапелляционно перебил Чугунов, указывая на портфель, оставленный на полу, — доклад. Он кончает ваше предприятие. Доклад подписан. Вашим министром. В следующем месяце Бюро режет расходы. Останетесь в машстрое, всех под нож... И мальчишку. Ни старта, ни полетов, ни экспедиций. Переходите к нам, и сами пишете себе бюджет, — и он затянулся так сильно, что папироса дотлела до самых пальцев.

— Товарищ генерал, — набрался духа Рязанов, — я восьмой год возглавляю это дело и о нём лично интересуется...

— Это же у вас десятый? — перебил Чугунов указывая на мальчика.

— Десятый.

— Одиннадцатого не будет, — и генерал пальцем затушил папиросу.

Рязанов почувствовал ком в горле.

Генерал неспешно привстал и пошёл к выходу. Рязанов смотрел на его тяжёлый шаг и вдруг понял, что эта огромность, эта зримая мощь, для него самого — ноша. Тяжелое бремя. И эта идеально наглаженная форма не надета на нём, а висит, парадностью своей скрывая физическую неслаженность.

— Товарищ генерал...

— Через три дня у меня в Штабе, — не дал сказать Чугунов и достав бумагу из портфеля, вышел.

Рязанов истерично вздрогнул и почесывая лоб начал читать донесение:

«В Политбюро ЦК КПСС.

Копии: Председателю Совета Министров СССР,

Министру обороны,

Председателю КГБ

О сокращении финансирования

Совершенно секретно

Копия—2

(Особая папка)

Во исполнение постановления Политбюро № 3108—СС от 1972 года, НИИ «Прогресс», КБ «Электронмаш» и др. ведут разработку автоматизированных антропоморфных комплексов (ААК) для применения в народном хозяйстве и особых условиях. За время реализации проекта создано девять опытных образцов ААК, два из которых испытывались в подводной и космической среде. Итоги испытаний не признаны успешными, вместе с тем, по итогам обобщения полученного опыта начаты работы над изделием № 10. За время реализации проекта достигнуты высокие показатели, открыты новые методы и технологии.

Вместе с тем, считаем, что на настоящем этапе реализацию программы необходимо приостановить ввиду недостаточного уровня развития вычислительной техники. Имеющиеся ЭВМ не обладают необходимой производительностью для обработки данных в реальном времени, что приводит к неприемлемым задержкам в реакции (до 7 секунд на простейшие команды), их габариты, энергопотребление делают компактное размещение в корпусе ААК неосуществимым. Планируемое практическое применение исключено, проектные тактико—технические характеристики недостижимы. Также отмечаем на невозможность устранения аварий на испытаниях (случаи самопроизвольного движения макетов, в т.ч. инцидент в цеху завода «Литейщик»). Ввиду того, что себестоимость одного ААК будет значительна, при сроках выпуска изделия до 3 лет, полагаем целесообразным отдать приоритет задачам оборонного комплекса — разработка ракетного комплекса Буран. Все полученные разработки полагаем целесообразным передать Министерство обороны.

На Ваше решение.

Министр машстроя Вахрушев»

Рязанов расстроено выдохнул, кося взгляд на мальчика.

— Ну, что приуныл? Ты им не понравился. Нас хотят закрывать. Что об этом думаешь?

Мальчик недоуменно взглянул на ученого.

— Не понимаешь. Конечно. А что мамка и папка есть, знаешь. И это все что их интересовало. Ладно, едем в столицу...

И Рязанов что—то еще говорил, ни то ругаясь, ни то размышляя, но мальчик его не слушал. Он смотрел на железное ведро с надписью «каб.86» и вспоминал как однажды, когда его сюда привели, здесь была пожилая женщина. Она мыла полы с этим ведром. Увидев его, она отбросила швабру и чуть не упала. Но сперва округленные от испуга глаза, стали ласковыми и она, обтерев мягкие полноватые руки о фартук, перекрестилась, назвав его котёнком. «Что ж с тобой сделали?»: шептала она пока её не вывел караульный. И в той минутной встрече, мальчик получил столько тепла, что каждый раз теперь ему хотелось видеть её. Что—то незримо доброе, нежное было в этой простой русской женщине и когда он думал о ней, вспоминал её глаза, голос, белые полные руки, ему становилось спокойно.

2

Переезд из казахских степей в Подмосковье казался Рязанову невероятно сложной задачей. Последние годы он жил этим проектом и считал, что и годы впереди будут посвящены только этому. А кто будет куратором, не имело никакого значения. И если он переживал от передачи проекта из гражданского Министерства машиностроения в Министерство обороны, то только потому, что вся эта созданная научная база с лабораториями, испытательными стендами, архивами и полигонами, в точности должна быть воссоздана за тысячи километров.

И были ещё проблемы о которых Рязанов и не думал, ведь он был глубоко холостым. Все что ему надо для жизни, могло уместиться в один чемодан. Но был научный коллектив – десятки работников, ученых, у которых были семьи, дети, кошки, детские сады, квартиры – всех их тоже надо перевозить. И вот об этом, сейчас, возвращаясь в квартиру в военном городке, Рязанов не знал.

И всё же он возвращался мыслями к тому, что московские генералы просто так в степь не приезжают. Пятая отдельная дивизия резерва Ракетных войск стратегического назначения и его Объект. Для чего? Они создавали пилота для полётов в удаленный космос в отключенном контуре. А им нужен караульный на орбите... И как менять всю программу, все наработки по исследованию дальних космических пространств на военное? Задачи и функции под конкретные цели – всё нужно переписывать. И кратко пробежав в воспоминаниях все преодоленные за годы сложности, сделанные открытия, он внутренне злился, от того, что комиссии, по сути, зарубившей проект, ничего этого не было интересно. «Советского ребенка...» – повторил он с издевкой. «Перед ними было будущее, новый человек! А они мама, папа...» – возмущался Рязанов. «Как же глупо... И ещё этот генерал...».

Погруженный в мысли Рязанов уже почти подходил к своему подъезду и вдруг, как вспышка, мимо лица пролетел белый футбольный мяч и ударившись об стену, мягко лег ему в руки.

— Извините, дяденька, — крикнул мальчик.

Рязанов остановился с мячом. Он хотел его просто отбросить, но взглянув на мальчика, замер. «Что, тебя то они и увидели в моём Объекте?» – подумал он.

Мальчик был в школьной форме с красным галстуком и черно—белых кедах.

— Дядь, дайте мяч, — вежливо повторил пионер.

— Да, да, вот, — бросил Рязанов.

— Извините, не попал он в вас? – подошла светловолосая молодая женщина. – Я же тебе говорила, Мишка, не играй рядом с взрослыми.

— Ну, мам, — пытался оправдываться Мишка.

— Ах, что у тебя на лице, — сказала женщина и намочив пальцы слюной пыталась вытереть сыну кляксу под носом.

— Мам! – отмахнулся Мишка, видимо считающий себя уже достаточно взрослым, чтоб позволять матери нянчиться.

«А мой был бы рад»: опять подумал Рязанов об Объекте. Пионер убежал, а женщина виновато еще раз извинилась. Рязанов никак не отреагировал на её слова и зашел в подъезд.

Он жил на пятом этаже и несмотря на свой возраст, лестница давалась не просто. Ему как руководителю проекта, как директору института, выдали двухкомнатную квартиру с полной меблировкой. Тут было все, от вилок и ложек, до югославской стиральной машинки и телевизора. И если бы не этот факт, вполне может быть, что полностью увлеченный работой Рязанов, ничего бы сам в квартиру не принес кроме кровати, чтобы все—таки спать и стола со стулом, чтобы продолжать работать. Квартира для Рязанова была как гостиница.

Так и сегодня, закиданный мыслями, перескакивая с одной проблемы на другую, Рязанов, придя домой, даже не переодевшись, начал работать. Он, составляя план переезда, еле успевая записывать свои мысли и так просидел до ночи. Усталость брала своё. Рязанов знал, что ни что не поможет сейчас так хорошо, как сигарета. Но он уже третий год не курил — врачи поставили диагноз и строго запретили. Место, где лежала последняя купленная пачка, хорошо было известно и оно приковывало его внимание. Списав на ту крайнюю необходимость, которой был переезд, Рязанов поддался и взял её.

И уже на балконе, заведя руку чтоб чиркнуть спичку, его что—то остановило – кто—то был во дворе. Он замер и услышал обрывки разговора.

— Будешь помогать?

— Да буду, буду...

— ...к себе, расправляй... Тяни...

— Я не вижу, где тут уголок...

— ...дай прищепки, я сама.

Кто—то среди ночи, развешивал на уличной сушилке белье. Они явно хотели сделать это тихо, но у них не получалось и от их попыток делать тихо, было совсем громко.

— Распрями вон там...

— Мам, ну я не дотянусь...

— Миша, вот лучше я сама...

«Тот самый пионер»: подумал Рязанов и неожиданно улыбнулся. Они так смешно пытались вешать белье и Рязанову было приятно слышать и голос этой женщины, и то как она с любовью бранит своего сына. Вся эта сцена сейчас с теплом отзывалась в Рязанове и ему совсем перестало хотеться курить.

3

Рязанов всегда приходил в институт рано, одним из первых. И сегодня, несмотря на рабочую ночь, вышел на работу с рассветом.

Он уже и забыл про сцену с бельем, но спустившись, на выходе из подъезда, увидел ту женщину, маму Миши. Она стояла спиной к дому, возле высокого куста расцветающей белой сирени и не видела его. Из «вчера» он помнил только светлые волосы, но сейчас мог рассмотреть лучше. Она стояла в голубом платье, среди тишины раннего весеннего утра, когда рассветные янтарные лучи еще слегка подкрашены красным – молодая, лёгкая, свежая. От увиденного образа, Рязанова внезапно охватила поэтичность и в голове вспомнилось из Пушкина: «...Открой сомкнуты негой взоры На встречу северной Авроры, Звездою севера явись!». Она

стояла, держа перед собой двумя руками сумочку и взгляд её был обращен на небеса, но не наверх, в небо, а как—то в даль, в горизонт. Услышав шаги, она обернулась и увидев, что это Рязанов, поздоровалась, смущенно опустив глаза. Ему было приятно, но на его лице это никак не отразилось.

Подобно воинским частям, институт был построен в удаленности от военного городка, посреди степи на съезде от главной дороги. Внешне институт представлял из себя вполне гражданскую организацию – главное административное здание, вылитое из бетона в духе советского модернизма, здания столовой, клуба и несколько других построек. Кабинет Рязанова был в главном здании и несмотря на его руководящую должность, это было совершенно небольшое, скромное помещение, с одним огромным окном. Из мебели ничего кроме стола, шкафа для документов и одного стула для посетителей. Настоящее рабочее место было не здесь, а в лаборатории, в двух секретных подземных этажах.

Несмотря на то, что он приходил на работу рано, были и те, кто приходили раньше.

— Было открыто, — кинул кто—то вместо приветствия входящему в свой кабинет Рязанову.

Это был деловитый молодой человек, помладше Рязанова, но заметно не смущавшийся его должности. Он вальяжно сидел в кресле хозяина, закинув ногу на ногу и небрежно листал старую газету. Перед ним на столе лежала кобура с пистолетом и красное удостоверение с выбитыми буквами КГБ СССР.

— Да, да, Валентин, я помню, как не запер, — с усталой иронией подыграл Рязанов.

— Вот, не люблю я футбол, — совсем не спеша начал вставать Валентин, — но в отделе все о нем говорят и мне приходится интересоваться.

Одет он был в нейлоновую куртку и джинсы.

— Эх, Валентин, я тоже не люблю.

— Для подшивки в дело, — Валентин остановился у кресла и протянул несколько листов.

Рязанов даже не посмотрел, что это и закинул в папку, ожидая, когда ему освободят место.

— Так, что так рано, Валентин?

Не смущавшийся должности Рязанова, вместе с тем, Валентин соблюдал субординацию и обращался на вы. Рязанов, не понятно, подчеркивал ли этим он свою иронию, но обращался на ты и просто по имени.

— На дежурстве был, — с улыбкой ответил Валентин. — Решил заскочить, — и не смущаясь присутствия директора, начал снимать ремень и надевать кобуру. — И знаете, я вот всё страдаю... как вчера комиссия прошла?

— Будто не знаешь.

— Знаю.

— Зачем спрашиваешь? – Рязанов говорил с лёгкой, еле уловимой раздражительностью.

— Знаете, — Валентин опустил ответ на вопрос, — странно, что генерал лично приехал. Эта Пятая дивизия... Серьезные ребята... Прямо очень секретные... Элита элит. Ну, а вас давно хотели закрыть, — и он кинул взгляд на переданные Рязанову листки для подшивки. – Много сложностей.

— Сложный проект, — устало возразил Рязанов.

И тут лицо и голос Валентина стали серьезными:

— Коллективу просто объявите, что в Москву. Про доклад Вахрушева, про генерала, про закрытие, об этом не надо. Пусть работают спокойно.

— Принято, — ответил Рязанов.

Валентин закончил с кобурой и опять перешел на доброжелательный тон.

— Ну так что?! Что думаете о Москве?

— Моё мнение, — и Рязанов наконец-таки плюхнулся в кресло, — ты же и так давно знаешь. Всё так и есть. Мы не вытягиваем. Если это поможет не закрыться, то... Какая разница куда писать доклады... Но вот странно...

— А... — протянул Валентин, видимо сомневаясь, задавать ли вопрос, — что... Москва? Рязанов ехидно улыбнулся:

— А что Москва?

— Вы же коренной... Будто не рады?

Рязанов улыбнулся и колко ответил:

— Рад. Но видимо меньше некоторых.

Лицо Валентина заискрилось. Он ничего не ответил и это было гораздо многословней, чем что-либо сказанное в ответ. Деловитый, подвижный, в меру нагловатый, в нём читались напор и будущий успех.

4

Дальнейший день Рязанов провел в бесконечных собраниях с коллективом, где к чрезвычайному удивлению многих и объявил о переезде. Про неудовлетворенность комиссии, про Ракетные войска и про то, что их кураторы в Москве, фактически хотели их закрыть, он говорить не стал.

Новость о Москве сотрудники постарше восприняли с сожалением, кто был моложе, обрадовались. Потом к Рязанову, пытаясь заранее закинуть удочку об устройстве в столице, начали ходить некоторые работники, начиная из далека, но всегда заканчивая одним и тем же «хорошо бы, чтоб площадь квартиры была больше». Живущий только работой Рязанов не совсем это понимал. Каждый последующий проситель увеличивал степень его раздражения, пока в итоге вошедший к нему самый близкий для него коллега, знавший Рязанова со студенческих времен, не застал его в очень нервном раздражении.

— Что, Константин Викторович, и вы будете просить квартиру с балконом или просто на комнату больше?

Оторопев от такого начала разговора, Константин Викторович, убрав десятилетия дружбы, перешел на официальный тон:

— Нет, товарищ Рязанов. Я шёл на обед и обратил внимание, что вы еще не были. Столовая закрывается через двадцать минут, хотел и вас пригласить.

Рязанову стало стыдно:

— Ох, извини, Костя. Трудный день. Столько новостей, столько надо сделать, а еще и эти бесконечные квартиры.

— Ну, товарищ Рязанов, — подчёркивал Костя официальным обращением свою легкую обиду и пропуская Рязанов вперед, — вы должны и к этому отнестись с пониманием, ведь это не просто научные работники, это люди. И у каждого человека есть сердце и душа.

На этих словах Рязанов искоса взглянул на коллегу порицая за не научность.

— Да, да, душа, — подчеркнул Костя. — Их семьи — это их институты, со своими полигонами. И конечно они будут думать о том, как хорошо бы обустроиться на новом месте, как минимум не хуже, чем сейчас. И у всех есть дети, а у кого—то и домашние питомцы, кошки...

Их знакомство началось в студенческие годы, когда вся страна с замиранием сердца следила за первым спутником, за первым полётом, за первым выходом в космос. И, несмотря на то что один был физиком, другой биологом, они вместе оказались на практике в океанографической экспедиции. Внешне невзрачный, подстриженный под горшок, бледнолицый, светловолосый, с очень вытянутым носом, а от того чрезвычайно застенчивый, Костя, казался всем глухонемым. Он неохотно вступал с кем—либо в диалоги и избегал шумных обществ. Но на

одной из студенческих посиделок поразил увлеченного науками Рязанова знаниями, которые выходили далеко за пределы академических.

Константин Викторович пришел в проект намного раньше Рязанова. До этого, он много лет проработал в институте Геронтологии, изучал возможности улучшения работы стареющих органов человека, замены их на механические. Подобные исследования начались ещё до Войны и к восьмидесятым, был накоплен титанический опыт. Работа проводилась в секретности и курировалась ЦК. Но то, к чему так стремилась партийная элита – жить вечно, было также недостижимо для них как и просто жить. Спустя годы, когда они с Рязановым стали коллегами, Костя рассказывал ему, что случайно узнал о проекте и как только понял, что пахнет космосом, сам сбежал из Москвы.

— Для чего Костя, как? – удивлялся Рязанов.

— Потому что здесь будущее. Там — прошлое.

Их дружба, понимание друг друга, помогла проекту, ускорило многие работы. И единственно что делало между ними расстояние, это глубокая семейственность Константина Викторовича, отца троих детей и противоположное холостячество Рязанова. Видимо это и отразилось на карьере обоих, так как Рязанов, несмотря на то что пришел позже, постепенно встал у руководства и официально возглавил проект, а позже и объединил разрозненные по Союзу группы, создал отдельный институт. Рязанов тепло относился к Косте не только из—за человеческих качеств, но так как осознавал, что самый ценный в этом проекте кадр — это как раз Константин Викторович. Все концепции, ставшие фундаментом прорывных идеи Рязанова, были за авторством именно Кости. Костя абсолютно довольствовался должностью простого старшего научного сотрудника, так как в ином случае, ему бы пришлось жертвовать своим семейным временем, а это было для него главным и святым. Так думал Рязанов.

Костя еще много говорил о привязанностях человека, о любви, семье, и в то время пока они шли к столовой и в то время, когда брали столовые приборы. Рязанов слушал вполуха и понимал: сейчас будет просьба квартиры.

Они пришли, когда время обеда уже закончилось и огромное светлое помещение столовой, в отсутствие других посетителей, наполнялось бесконечным бормотанием Константина Викторовича.

— Костя, я все понял. Ну я еще совершенно ничего не знаю, ещё ничего не понятно...

— Компот брать будете? — вклинился женский голос в их разговор.

Рязанов поднял глаза. Это была та женщина, она стояла за кассой. И вчера, и сегодня утром, он не мог разглядеть её лицо. Но сейчас в этом была вынужденная необходимость. Сейчас, так близко, Рязанов увидел, как мягко её круглое лицо, какие у него нежные, женственные изгибы, как большие светлые глаза с подведенными синими тенями подчеркивают белизну кожи. Аккуратный, слегка курносый носик, алые без помады губы и маленький подбородок. Легкая детскость, не тронутая возрастом. Недлинные, чуть выше плеч, очень светлые волосы, ближе к кончикам заворачивались в локоны. Рязанов замер и задержал на ней взгляд.

— Ваш талончик? – заговорила она, слегка улыбнувшись.

Рязанов протянул ей талон и молча пошел с подносом за стол. Та пауза не прошла мимо Кости, и присоединившись к Рязанову он понизил тон:

— Татьяна. Живет в твоём подъезде, кстати.

— Странно, никогда её не видел, а сейчас уже третий раз, — Рязанов был под впечатлением.

— Ну это не странно, когда уходишь на рассвете, а возвращаешься ночью и не бываешь нигде кроме института.

— Так она кассир?

— Вообще товаровед, но видимо заменяет на кассе.

Рязанов отметил все сказанное, но будто ему было не важно, и он для вида уплетал ложку за ложкой. Костя, немного помедлив, продолжил, как бы невзначай:

— Татьяна одна. С сыном. Живут тут с самого начала, как и ты.

В такой ситуации, слово «одна» могло лишь значить, что она живёт без мужа и это было на столько понятно для разговора двух мужчин о женщине, что Рязанов, не отрывая взгляда от тарелки, стесняясь своего интереса, бросил конкретный вопрос, который не нуждался в пояснениях:

— Афган?

— Что? При чем тут Афган? Ааа... ты про мужа, — уловил Костя. — Нет, из наших.

Рязанов замер с ложкой в руке:

— Литейщик?

— Представь, — со вздохом сожаления ответил Костя.

Рязанов ничего не ответил, но сделав еще пару движений ложкой бросил её и пошел сдавать посуду.

— Постой! — крикнул Костя. — А компот?

И весь день Рязанов провел в мыслях о пионере Мише, о его маме, о муже, который не вернулся. И неведомой силой, тягучим чувством, Рязанов, несмотря на невероятное количество необходимых дел, ушел с работы не как обычно ближе к ночи, а вместе со всеми, в конце рабочего дня. Он отпустил водителя и пошёл к автобусу, умышленно замедляя шаг и пытаясь рассмотреть на проходной в толпе Татьяну. Он не знал, что будет, если он увидит её, но ему хотелось этого. Рязанов крутил головой, ловил взглядом каждую светловолосую женщину, и каждый раз, не встречая милое лицо, чувствовал странное, щемящее разочарование. Татьяны среди них не было.

Военный городок, в котором жил Рязанов, был построен сплошь из однотипных красно-кирпичных пятиэтажек. Построен среди степи, в равном удалении от военного аэродрома и нескольких воинских частей. Внутри городка было все также как и во всей огромной стране и стоя посреди любого двора, можно было смело сказать, что точно такой же будет в Воронеже, Таллине или Владивостоке. Весной дворы утопали в сирени, между домами были спортивные площадки, а у каждого подъезда сидели бабушки и мамочки с колясками. Где—то расторопные жители из старых покрышек делали палисадники, а где—то уже появлялись частные гаражи.

Так и не найдя Татьяны, Рязанов, не имея привычки ездить на автобусе, даже не заметив этого, дошел до городка пешком. Уже совсем устав, покрытый дорожной пылью, он шёл по двору и, к своей нескончаемой радости, увидел Мишку. Он был в школьной форме и черно—белых кедах.

— Ну, здравствуй!

— Здравствуйте, товарищ Рязанов.

Миша набивал мяч, но увидев Рязанов, остановился.

— Так мы знакомы?

— Мама сказала. Вы самый главный начальник.

Теперь стало понятно, от чего Татьяна так сильно испугалась и делала виноватый вид о того, что Миша неудачно ударил мяч – она знала, что он директор. И в этот момент Рязанов хотел сразу спросить про маму, но ему стало стыдно и перед собой, и перед Мишей.

— Ты наверно пионер?

— Да, товарищ Рязанов, — и Миша с гордостью указал на оставленный на лавочке портфель с аккуратно вставленным в карман красным галстуком.

Рязанов очень давно не общался с людьми хоть как—то не связанными с его работой и тем более на темы, не связанные с ней, но незаметно для себя, они разговорились. Говорил в основном он. Были рассказы про то, как будет развиваться наука в будущем, как люди будут летать в космос и как развитие коммунизма приведет к тому, что в каждом доме будут стоять

приборы, которые буду пылесосить, стирать и сушить белье, мыть посуду и много чего еще другого. Миша не проронил ни слова, а Рязанов, усевшись на бордюр не останавливаясь, будто вода из прорванной плотины говорил и говорил. И уже когда совсем стемнело, к Мише обратилась какая—то проходящая мимо женщина:

— Миша, надо еще сделать уроки, — это был голос Татьяны. — Добрый вечер, товарищ Рязанов!

— Здравствуйте, — он резко встал с бордюра, почувствовав нелепость от того, что сидит с подростком на детской площадке. И он хотел еще что—то сказать, но Татьяна прошла дальше и скрылась в подъезде.

— Спасибо, мне было очень интересно. Но я и правда совсем еще не делал уроки.

— Это твоя мама? — пошел на пролом Рязанов.

— Да.

— Она всегда так поздно возвращается?

— Нет, какая—то тетенька на ее работе заболела и мама работает за неё.

— А папа, где твой папа? — это слетело с уст, сорвалось нечаянно.

Миша заметно сконфузился, но, на счастье обоих, вдруг послышался из окна окрик мамы:

— Михаил, пара домой!

Миша извинился и ничего не ответив про папу, убежал.

В этот вечер Рязанов много раз выходил на балкон, безуспешно надеясь увидеть Татьяну, но ему навезло. И опять с мыслями о ней он лег спать. И мысли эти все перемешивались с заботами о работе, пока наконец не пришли к очень острому заключению, вызвавшему сильнейшее огорчение — Татьяна не была научным работником и они с Мишей останутся здесь, в военном городке. Нужды тащить за тысячи километров обычного товароведа у Родины нет. Заснул он очень поздно и проснулся только от настойчивого стука в дверь — шофер приехал за ним для того, чтоб отвезти в аэропорт. Он первый раз в жизни проспал, но внутренне даже радовался этому, так как причиной была Татьяна.

5

Рязанов был коренным Москвичом. Для него город был источником силы и вдохновения. И как бы он не переживал за трудности перевода института, он, пытаясь это скрыть от самого себя, всё-таки радовался этому.

Приезд в родной город всегда радовал его, и сейчас, если что и докучало, то только то, что перед Чугуновым надо хлопотать за все эти квартиры. Ведь он должен думать о будущем, о судьбах человечества, о новых космических рубежах, а вынужден решать, куда девать кошек сотрудников.

Штаб дивизии, вопреки ожиданиям, находился не в Подмосковье, а в самом центре Москвы — в Большом Знаменском переулке. Здание штаба как это принято не имело внутреннего двора и буквального с тротуара, через железную дверь, ты попадал в одно из самых засекреченных воинских частей на территории Союза. Рязанов ожидал, что штаб внутри будет таким же мрачным и аскетичным, как и сам генерал, но, к своему удивлению, обнаружил светлые и по—советски солидные интерьеры. Красные дорожки в коридорах, лифт с огромным зеркалом, бронзовые светильники на потолках, на стенах полированные фасады, из светлого дерева. Создавалось впечатление, что ты попал не в штаб секретной дивизии, а в республиканское министерство или партийный комитет. Всё было по-казённому роскошно, и лишь адъютанты в военной форме с португееми в приёмной генерала напоминали, что это военное учреждение.

Кабинет Чугунова, под стать его фигуре, был огромным и занимал не малую часть последнего этажа, открывая, через панорамные окна, прекрасный вид на Гоголевский бульвар. В кабинете было все как у советского военачальника: рабочий стол, на нем лампа с зеленым абажуром, пепельница из гильзы танкового снаряда; огромный прямоугольный стол для сове-

щаний; карта СССР во всю стену и еще несколько поменьше; красный стяг на древке, портрет Ленина и генерального секретаря; сейф в пол человеческого роста и отдельный стол для стенографиста. По центру кабинета торжественно свисала тяжелая бронзовая люстра с двойным рядом белых плафонов, она была такого же стиля, как и все светильники в здании штаба и своими размерами будто говорила, что она начальник для всех них.

Рязанов ожидал длинного доверительного разговора, полагая что встреча назначена персонально ему, но к удивлению, за длинным столом уже сидело много людей в гражданском и в форме, которых он не знал. В момент, когда Рязанов зашел, кто—то читал доклад, а генерал стоял за своим столом и курил, держа одну руку в кармане. Он мельком взглянул на Рязанова и дал знак где—нибудь присаживаться. В дальнейшем не было ни вводных, ни приветственных, будто бы вообще речь шла не о переезде целого научного института, а словно какой—то местечковый вопрос, решаемый за несколько минут. Рязанов растерялся, и переживая, что все эти присутствующие не имеют допуск, оставил все множество слов и переживаний, которые он готовил для разговора с Чугуновым и просто передал ему докладную со списками необходимого. Из небольшой стопки, генерал как—то сразу выхватил какой—то один и снова закурив пробежался по нему прищуренным взглядом.

— В настоящий момент всё это невозможно, — бросил Чугунов листы, давая понять, что возвращает их Рязанову — это был список научного персонала с составами семей и количеством необходимых квартир.

— Но, товарищ генерал, — задетый «таким приемом» Рязанов сразу встал в стойку, — это не только мой проект, это труд коллектива... Вы же говорили про бюджет...

— Бюджет на проект! — прервал генерал. — А это, — указал он на списки квартир, — как поможет? — И не много помедлив, добавил. — У меня командиры полков в общагах. Чего ж вы думали, Москва — боярские хоромы?

Строгое неприятие в этом вопросе сразу обезоружила Рязанова. Он предполагал, что этот так ему не нравившийся вопрос не будет легким, но не ожидал что сразу получит категоричный отказ. И понимая, что терять уже нечего, отбросив всю дипломатичность он решил сказать все что думает:

— Нет, но весь переезд это ведь не от нашего желания...

— Вы что мне одолжение делаете?! — голос генерала начал повышаться. — Сложно? окажем содействие! Не хотите? сделаем выводы, товарищ конструктор!

Присутствовавшие в кабинете молчали. После того как Рязанов прибыл, читавшийся здесь доклад был сразу закончен и со слов генерала в адрес Рязанова «Что у вас?» и началась эта сцена. И Рязанов так и не понял, что доклад был посвящен его институту и присутствовавшие как—то были уже вовлечены в этот процесс. Поэтому, когда тональность начинала выходить совсем за рамки, кто—то из присутствующих вдруг с неуверенностью, но с интересным предложением перебил обоих:

— Товарищ Чугунов, в прошлом году, мы расширили площади в Ленобласти...

— Неужели? — язвительно перебил генерал.

— Да, спасибо вам. Но это и позволило нам освободить промзону в Одинцово. Это вполне себе сойдет за научный городок. Вскоре мы освободим и общежития, и квартиры. Немного, но во всяком случае все главные и ведущие сотрудники института смогут уместиться.

Генерал и Рязанов замолчали, оценивая сказанное и выступающий после того, как присел, вдруг опять встал и робко, будто завершив выступление, добавил:

— Самойлов, КБ Заслон.

Это был мужчина немногим старше Рязанова, сильно польсевший, с огромными выбритыми щеками и одетый в черный костюм на белый свитер с горлышком. То ли он болел гриппом, то ли от неприятного разговора, но он весь был мокрый и слипшиеся от пота волосы неак-

куратно распластались на его лысой голове. Рязанов взглянул на него с интересом, и Самойлов в ответ робко улыбнулся.

Генерал подошел к карте с надписью «Московский военный округ» и долго курил возле нее, что—то рассматривая. Вдруг он обратился к Рязанову:

— Лучшего варианта и не придумаешь.

— Да, но там сплошная жилая застройка со всех сторон, а нам нужен полигон, — Рязанов знал, что представляет из себя это место.

— Сделаем вас военным училищем, по периметру все в забор, — было непонятно, шутит Чугунов или рассуждает.

— Одинцовское специальное военное училище, — пошутил кто—то из присутствующих офицеров.

— Звучит красиво, — улыбнулся во все огромные зубы Чугунов.

Рязанов знал, что то донесение он министра Вахрушева в полной мере соответствовало ситуации – при всех достигнутых, их Объект выполнять цели которые перед ним ставило тех.задание, не мог. Прорывные идеи Рязанова ушли гораздо дальше и их воплощение упирался в несовершенство вычислительной техники. Но понимал ли об этом Чугунов? Очевидно, что да и тогда какую цель он ставил себе забирая проект под свое крыло? Это не укладывалось в голове Рязанова, но у него не было выбора. Похоронить то, чем он занимался все последние годы — это похоронить себя. Поэтому он и не стал спорить с Чугуновым, с переездом, с Одинцово. И, возможно, лучшего и правда придумать было нельзя.

6

Конструкторское бюро Заслон первоначально занималось разработками для инженерных войск и их близкое сотрудничество с РВСН также не укладывалось в голове Рязанова. Он заложил в командировку дополнительный день и направился напрямую к Самойлову. Проект Рязанова был засекречен, и он не совсем понимал, знал ли Самойлов чем конкретно он занимается и потому полагался на то, что Самойлов сам все раскроет.

— А я как раз хотел послать за вами машинку, — улыбался Самойлов, встречая Рязанова у себя в кабинете. – Я все ждал, что Чугунов сам как—то нас познакомит ближе, но... вот, — как бы говорил Самойлов «но вот и сами вы пришли».

Но вопреки ожиданию Рязанова, ситуация не прояснялась. Самойлов много чего говорил, рассказывал о достижениях, но все это было не применительно к работе Рязанова. После часового отвлеченного диалога, после чая и конфет в хрустальной вазе, совершенно дежурно, Самойлов предложил ознакомиться с небольшой экспозицией, где было то, что не было засекречено. Они ходили по выставочным залам, проехали на полигон, но все что демонстрировало КБ Заслон было правда далеко от института Рязанова.

— А вот это наша, пока не принятая во внимание разработка. БПМТ – боевая машина поддержки танка.

— Подвоз снарядов? – лишь бы что—то, сказал заскучавший Рязанов.

— Нет, — рассмеялся Самойлов. – Извините, но это то же самое, что говорили нам на госкомиссии. Все гораздо интересней.

И вдруг, застенчивый, слегка неуклюжий Самойлов, весь оживился и активно жестикулируя встал перед Рязановым:

— Вот какая основанная задача у танка как у боевой единицы?

Рязанов растерялся и не дав ответить, продолжил Самойлов:

— Отвечу – уничтожение техники и укреплений. Да, конечно, танк и по пехоте работает и теоретически и по воздушным целям. Но именно живая сила противника и именно воздушные цели являются проблемными для танка и уменьшают его потенциал. Конечно, много кто

работает для защиты танка и с воздуха, и от высокоманевренных наземных целей, но ведь это и отвлекает боевой потенциал. Верно?!

Рязанов набрал воздух, чтоб ответить, но Самойлов энергично продолжил сам:

— В этом и состоит задача БМПТ – забрать на себя эту функцию. Вот как средство ПВО спаренное с возможностью работать по наземным маневренным целям. Знаете, это если представить, что танк рыцарь в тяжелых доспехах, — и Самойлов округлил руки изображая что—то огромное и злое, — а БМПТ это его оруженосец, — и он вытянулся, изобразив что—то худенькое. — Легкий, маневренный и дешевый. Не надо ломать голову и все взваливать на танк – он теряет в скорости, маневренности. Все просто – выводи это на БМПТ, а оно будет следовать за тобой. Танк выполняет свою задачу кувалды, а БМПТ прикрывает.

Рязанов почувствовал интерес и спросил:

— А что же с системами управления, целеуказания?

— Да, — почесал голову Самойлов, — здесь наше слабое место. БМПТ это придаток танкового взвода, но вот система управления... Командир экипажа будет отвлекаться на передачу команд командиру экипажа БМПТ, возможно на их коррекцию, а это не просто секунды, это могут быть и десятки секунд. В бою такие задержки могут быть не простительны... Пока что развитие вычислительно техники не позволяет нам сделать единым пункт управления для танка и его помощника.

От услышанного у Рязанова все загорелось внутри. Самойлов сейчас говорил о тех же проблемах, с которыми столкнулся и его институт. Так они проговорили весь остаток дня и чтоб выкроить еще время, Самойлов сел в машину к Рязанову и поехал с ним до аэропорта.

7

Рязанов возвращался, как он сам говорил — к себе в степь. Он долго обдумывал то, что увидел в бюро Заслон и все этому казалось очень полезным. Правда он еще не мог понять чем. И в какой-то момент его осенило.

— Костя, — еще не совсем уверенно, но он по возвращению начал делиться решением задачи «компактного размещения электронно—вычислительных машин в корпусе Объекта», — что же у нас получается по габаритам и весу ЭВМ?

— Все также, — удивился Константин Викторович вопросу, так как это было известно и увидел в этом возможную претензию, — только один охладитель от килограмм так...

— Нет, нет. Сколько всего? Все вместе?

— Треть куба объем и под семьдесят килограмм. Но это минимум.

— А если в полную?

Костя осмотрел кабинет Рязанова и указывая руками сказал:

— Как треть... четверть..., — дал он понять, что оборудование, необходимое для полноценной реализации поставленных перед Объектом тактико—технических задач, займет какую—то часть кабинета.

Рязанов довольно улыбался.

— Что? – непонимающе улыбнулся Костя в ответ.

— Вот, — и Рязанов победоносно подвинул к сидевшему за столом исписанный обрывок салфетки с надписью Аэрофлот.

— О создании выносного вычислительного модуля телеуправления антропоморфным кибернетическим комплексом в условиях орбитального базирования? – произнес и сморщился Костя.

— Непонятно?

— Слишком... И длинно.

— Но ты ведь понимаешь, о чем я? – довольно улыбался Рязанов.

— Вынести мозги из тела? Оставить только рефлексы. Оболочку. Кажется так? — задумался Костя.

— Ну не прям вынести... Частично снизить нагрузку. Кстати, я ещё вот думал над «О создании зависимых автономных распределенных систем».

— Да, но слушай... — хотел что—то сказать Костя.

— Подожди, — остановил его Рязанов, — дослушай.

И он подробно рассказал об увиденном на выставке в бюро Заслон и концепции БМПТ, взяв те же сравнения и эпитеты о рыцарях, что слышал от Самойлова.

— Но Георгий, — хотел что—то высказать Костя.

— Потом... Все потом, потом...

Движимый своим восторженным настроением Рязанов не обратил внимание на желание товарища что—то сказать и перешел к теме, которая, как ему казалось уже является общей для них тайной.

— Я хотел спросить, кто сегодня в столовой?

— В столовой? В каком смысле? Ах, ты про Татьяну. Не знаю, — пожал плечами Костя, — может и она. Ещё не был. Но знаешь, я вот все же хотел сказать...

— Давай потом. Я очень голоден и спешу на обед, — Рязанов был в приподнятом настроении и не дослушав товарища, бесцеремонно ушёл.

Он спешил в столовую. Спешил к Татьяне. И опять он не знал, что будет, если увидит её, но ему этого хотелось. Там, в Москве, вся голова была погружена переездом, Чугуновым, Заслоном, Одинцово, но уже по пути домой, увидев в самолёте светловолосую женщину, он, неожиданно для себя, подумал о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.